

УДК 1(091):17.033+172.1:(470)

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ
СОДЕРЖАНИЕ
КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ
С. И. ГЕССЕНА¹

М. В. Воробьев*

Предпринята попытка исследования концепции личности видного представителя русского неокантианства С. И. Гессена с целью выявления ее философско-правового содержания. Эта задача решается в рамках смыслового поля, заданного координатами «личность – культура – общая воля – право – государство», и в сопоставлении с правовой концепцией Б. А. Кистяковского.

С. И. Гессен выделяет несколько смысловых пластов понятия культуры: цивилизованность, образованность и гражданственность и показывает, что связь между личностью и культурой носит диалектический характер.

С. И. Гессен делает установку на примат свободы личности, но свободу необходимо отделять от произвола. В то время как произвольным действиям свойственна случайность и непредсказуемость – за ними нет ничего прочного, свободный поступок – необходимая предпосылка творчества, что в свою очередь есть неотъемлемая характеристика личности. Творческое существо каждой личности подразумевает индивидуальность и неповторимость. Личность также имеет историческое измерение.

Исследуя проблему отношения общества и личности, С. И. Гессен пересматривает концепцию «общей воли» Ж.-Ж. Руссо, выдвигая собственное динамическое понимание «общей воли», как непрерывного процесса творческого установления с максимально возможным вовлечением самых широких народных слоев.

Понятие права Гессен осмысляет в оппозиции понятиям природы и нравственности и видит его в качестве недостаточной, но необходимой предпосылки гармонизации отношений в обществе. С. И. Гессен вырабатывает свое понимание идеала государственной организации – это демократическое государство, совмещающее в себе принципы либерализма и социализма.

Ключевые слова: С. И. Гессен, Б. А. Кистяковский, личность, свобода, право, общая воля, культура, государство, демократия.

---

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Человек в истории и культуре: философско-антропологические и философско-исторические концепции русского неокантианства» при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-03-00831а).

* 308001 г. Белгород.

Поступила в редакцию: 28.03.2017 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2017-2-6

© Воробьев М. В., 2017

Анализ философско-правовых взглядов С.И. Гессена — задача, сопряженная с определенными трудностями: не все его труды, специально посвященные праву, дошли до нас. В частности, поздняя работа Гессена «Упадок и возрождение демократии» была утрачена и в основных чертах известна лишь в изложении его польского ученика А. Валицкого². Как отмечает Валицкий, Гессен на последнем этапе своего творчества «взялся за пересмотр концепции о различных исторических формах правового государства, их расцвете и их недостатках» (Валицкий, 2012, с. 527). Это привело его к переоценке правового значения абсолютизма и более поздней тенденции «идеализировать плюрализм правопорядка Средних веков» (Там же, с. 528). Для исследователя задача несколько усложняется еще и тем, что теоретические источники философско-правовых взглядов Гессена весьма многообразны: это и западные теоретики, и виднейшие представители русской философско-правовой традиции — Л.И. Петражицкий, Б.Н. Чичерин и В.С. Соловьев, чьи идеи Гессен стремился развивать в своих работах (Там же, с. 542). Как показывает опыт исследований М.Ю. Загирняка (Загирняк, 2012, 2017), опираясь на наличный корпус текстов Гессена, возможно реконструировать его философско-правовые взгляды, если и не всегда напрямую, то в контексте европейской общественной мысли, прежде всего традиции немецкой классической философии и неокантианства, под влиянием которых формировались взгляды Гессена.

Другой важной стороной учения Гессена является его философская антропология, систематически рассмотреть и проанализировать которую стремились Е.И. Жилияева (2012) и Н.В. Очирконова (2005). Однако философско-правовая проблематика в ее связи с концепцией личности у Гессена этими исследователями практически не затрагивается. А ведь, как справедливо замечает М.Ю. Загирняк, у Гессена «именно право создает условия для актуализации свободы как задания в жизни каждого человека, поскольку создает условия для осуществления свободы и приучает человека к дисциплине, которая необходима для развития свободы личности» (Загирняк, 2017, с. 261). Остается отметить, что до сих пор без должного внимания остается вопрос о наличии единого контекста исследовательских проектов Гессена и других русских неокантианцев, его современников, со многими из которых он был лично знаком и на идеи которых часто опирался.

Таким образом, автор статьи ставит себе целью исследовать в работах С.И. Гессена концепцию личности, выделяя ее философско-правовую специфику. Для достижения поставленной цели представляется необходимым последовательно решить следующие задачи: реконструировать концептуальное целое взглядов Гессена на правовую специфику феномена личности; очертить общее смысловое поле исследований Гессена по этому вопросу, которое предварительно можно обозначить координатами «личность — культура — общая воля — право — государство». Именно в этих координатах раскрывается искомое философско-правовое содержание концепции личности у русского неокантианца. Наконец, завершающим этапом исследования станет попытка поместить в пространство концептуального диалога философско-правовые перспективы понимания личности у С.И. Гессена и Б.А. Кистяковского. О возможности такого диалога говорит как на-

² Вопросам философии права у позднего Гессена посвящена глава «Общая философия права» в кн.: (Валицкий, 2012, с. 541 — 554).

личие ссылок в работах Гессена на исследования Кистяковского, так и факт тесных дружеских отношений между этими двумя философами (Гессен, 2010а, с. 782). Последнее в целом, по-видимому, способствовало идейному влиянию Кистяковского на Гессена в период обучения в Гейдельберге (Там же, с. 778). Также нельзя забывать об их последующем сотрудничестве в журнале «Логос». Приведенные соображения в конечном итоге и обусловили выбор Б. А. Кистяковского в качестве «собеседника» Гессена.

Личность в пространстве культуры

Жизнь человека, жизнь общества и образование представляются С. И. Гессену культурными феноменами, находящимися в состоянии взаимообусловленности. Концепция культуры у Гессена носит телеологический и аксиологический характер и в своем становлении испытала сильное влияние со стороны философии ценностей Г. Риккерта. От цели самосохранения человека в первобытном состоянии осуществляется переход к цели «культурного» человека: «Не простая жизнь, но достойная жизнь преподносится ему [то есть человеку. — М. В.] как цель существования» (Гессен, 1995, с. 26). Отмечая многозначность понятия «культура», Гессен стремится уловить «оттенки смысла» и обозначить тем самым различные смысловые пласты этого понятия. Одними из таких пластов становятся «цивилизованность» и «образованность». «Цивилизованность» представляет собой внешний слой культуры, связывается с феноменами хозяйства и техники. «Образованность» включает в себя науку, искусство, нравственность и религию и тем самым соотносится с «более внутренним, или “духовным” содержанием культурной жизни» (Там же, с. 26). «Цивилизованность» и «образованность» взаимообусловлены, развитие одного не мыслимо без развития другого, но было бы неверным уровень «образованности» ставить в прямую зависимость от уровня «цивилизованности»: «Развитой цивилизации, — полагает Гессен, — не всегда соответствует высокая образованность, и высокая образованность расцветает иногда при сравнительно низком уровне цивилизации» (Там же, с. 27), правда, фактов, на основании которых он делает этот вывод, не приводит. Между двумя отчетливо выраженными и достаточно «чистыми», хотя и взаимообусловленными смысловыми слоями общего понятия «культура» располагается третья область культуры — «гражданственность». Отличительная особенность «гражданственности» — синтез «внутреннего», духовного смысла «образованности» и внешних условий «цивилизованности». Гессен обнаруживает напряжение между ядром личности и пространством, или «миром» культуры. Постоянное возрастание накопленного багажа знаний и исторического опыта несет угрозу для личности раствориться в культуре. Таким образом, Гессен отмечает центробежную силу культуры, которой необходимо противопоставить центростремительную силу соответствующим образом подготовленной личности.

Центральным понятием концепции личности у Гессена, определяющим цели как самой личности, так и общественного устройства, является понятие свободы личности — отсюда у Гессена требование гарантии этой свободы. Чтобы свобода личности не привела к произволу отдельных индивидов, определенные требования налагаются не только на государство и общество, но и на саму личность. Свобода и произвол есть качества отно-

шения человека к миру, которые выражаются в поступках, в его бытии в мире: если «произвольные поступки характеризуются неустойчивостью, пассивной зависимостью от внешнего мира и постольку случайностью и непредвидимостью, то свободные действия в подлинном смысле этого слова отличаются, напротив, устойчивостью, самобытностью по отношению к изменчивым влияниям среды...» (Гессен, 1995, с. 69). Разграничив понятия свободы и произвола, Гессен последовательно уточняет само понятие свободы:

Свобода есть творчество нового, в мире дотоле несуществовавшего. Я свободен тогда, когда какую-нибудь трудную жизненную задачу, передо мной вставшую, разрешаю по-своему, так, как ее никто иной не смог бы разрешить. И чем более незаменим, индивидуален мой поступок, тем более он свободен. Поэтому свобода не есть произвольный выбор между несколькими уже данными в готовом виде, хотя и возможными только путями, но создание нового особого пути, не существовавшего ранее даже в виде возможного выхода» (Там же, с. 69).

Именно в процессе непрерывного творческого самовозрастания отдельный человек может приобщиться к общечеловеческим ценностям. Творчество тем самым становится воплощением свободы, которая вновь уточняется следующим образом: свобода «не столько факт нашей жизни, сколько встающий перед нами долг, задание, которое разрешить сполна мы, быть может, никогда не в состоянии» (Там же, с. 70).

Гессен разграничивает понятия темперамента и личности. Если темперамент «в широком смысле слова есть совокупность наследственных, от рождения полученных свойств [...], дар природы и внешних условий существования, антропологических, климатических, географических и других, поскольку природа человека есть, в сущности, только часть природы вообще, с которой она неразрывно связана» (Там же, с. 73), то первичная характеристика личности — творчество, ведь «личность обретается только через работу над сверхличными задачами. Она создается лишь творчеством направленных на осуществление сверхличных целей науки, искусства, права, религии, хозяйства и измеряется совокупностью сотворенного человеком в направлении этих заданий культуры» (Там же, с. 73—74). Здесь будет полезным обратиться к ранней работе Гессена, его докторской диссертации, в которой он рассматривает понятие личности как определенное индивидуальное понятие (относительно-историческое), базируясь на «квазидогматической» предпосылке, в соответствии с которой действительность никогда не повторяется. При этом конкретная личность может являться в качестве чего-то абсолютно-исторического и единственно действительного только в тот или иной момент (Hessen, 1909, S. 96—97). Впоследствии такое методологическое различие относительного и абсолютного в отношении понятия личности отразится у Гессена в положении о том, что стремление к выполнению сверхличных задач не означает отказ от индивидуальности. Напротив, именно через действие, которое направлено вовне на разрешение задач, что стоят перед всеми, человек «тем индивидуальнее, чем больше приблизил [...] своим действием совокупность действующих к разрешению общей [...] всем задачи и тем самым сделал себя незаменимее» (Гессен, 1995, с. 75).

Если соотнести личность и темперамент, то окажется, что личность — это темперамент, «отчеканенный» творческим волевым усилием и дисциплиной в стремлении к выполнению сверхличных задач. По Гессену, как

только личность в какой-то мере оформилась, ее невозможно уничтожить, но ее можно унижить воздействием извне, она может беднеть или усложняться в зависимости от тех целей-задач, которые сама ставит перед собой. Личность не дана человеку от природы в отличие от темперамента, который есть только историческая предпосылка личности. Оформление темперамента в личность происходит при помощи последовательной череды взаимообусловленных действий, личность тем самым приобретает историческое измерение: «Личность есть рост, а для роста необходимо сохранение старого в новом: действие, однажды совершенное, не должно исчезнуть, но должно продолжаться в последующем действии, последующее должно исходить из предыдущего, продолжать его собою» (Гессен, 1995, с. 73). Если бы личность была лишена исторического измерения, то она представляла бы собой не более чем «простое нагромождение отдельных поступков, лишенное целостности и внутреннего закона» (Там же, с. 74).

На пути обретения и оформления своей личности человек последовательно проходит три стадии: аномии (детство), гетерономии (юность) и автономии (взрослость) — эту схему Гессен, по всей видимости, через П. Наторпа (в его «социальной педагогике» это ступени воспитания воли) перенимает у И. Песталоцци. «Человек рождается в стадии беззакония», убежден Гессен, «для того, чтобы осуществить в себе идеал самозаконности» (Там же, с. 88). Под *номосом* в данном случае Гессен подразумевает не юридический закон, а закон должного, то есть нравственный закон, таким образом, «говоря об аномии, мы имеем в виду беззаконие в отношении закономерности должного, отсутствие сознания норм...» (Там же, с. 89). Следует упомянуть, что впоследствии определение Гессеном детского периода жизни человека как состояния «беззакония» подверглось критике другим русским неокантианцем М. М. Рубинштейном, который решительно выступает против мнимой «аномии» детства:

У правовых проявлений у детей есть свои ступени, но нет стадии, на которой мы могли бы установить у них с момента появления произвольных проявлений “беззаконное” существование. Это фикция, построенная людьми, плохо знающими детей и приносящими действительность в жертву философской или научной конструктивности. Аномия мыслима только как схематическое фиктивное начало, как мнимый отправной пункт развития (Рубинштейн, 1925, с. 32).

Проводя аналогию с историей человечества, Гессен отмечает, что указанному пути трех стадий следует не только индивид, но и все человечество. Законы должного не есть законы бытия, они первоначально воспринимаются как установленные божественной волей, но со временем взгляд на природу этих законов меняется в соответствии с возрастом осознанной работы над ними. Традиция, ранее устанавливавшая законы должного как гетерономно обусловленные императивы, начинает терять силу. В конечном счете понятие нравственного, по Гессену, твердо увязывается с понятием свободы: «Принудить человека быть нравственным, как его можно принудить исполнить веление права, обычая или общественной морали, нельзя. Только добровольно подчиняясь представшему перед ним его долгу, может человек исполнить веление нравственности. В этом смысле нравственность автономна: она есть подчинение закону, который человек сам на себя возложил» (Гессен, 1995, с. 90).

Гессен распространяет содержание понятия личности и на общности людей, «коллективную личность народа» (Гессен, 1995, с. 77). Аналогия прослеживается и в косвенных признаках: как у личности отдельного человека есть темперамент, так и у личности народа можно выделить племенные свойства. Требование к самовозрастанию через выполнение сверхличностных задач также предъявляется Гессеном и к личности народа. Как и личность человека, личность народа должна пройти путь от гетерономии до автономии, что на практике реализуется в переходе правотворческой функции от государственной власти к народу.

Общая воля и право

Для того чтобы личность и общество не разошлись в своих целях и тем самым не причинили ущерб одно другому, необходима выработка того, что Гессен обозначает понятием «общей воли». Восприняв у философов Просвещения постановку и решение обозначенной проблемы, Гессен обнаруживает их недостаточность в современных условиях и подвергает критическому анализу. Главным собеседником-оппонентом в этом вопросе для него выступает Ж.-Ж. Руссо. Как полагает Гессен, установка на приоритет «общей воли» над личностью, проистекающая из веры в безусловную гармонию частного и общего интереса, порождает иллюзию, что определение «общей воли» тождественно формальному выявлению общего при сопоставлении личных волеизъявлений. При этом «общая воля» представляется как готовое статичное образование, ведь в концепции Руссо индивид предстает как абстрактное понятие — продукт отвлечения от своего конкретного общественно обусловленного содержания, будь это содержание хозяйственное или религиозное, политическое или национальное и т. д. Убежденность Гессена в необходимости учета контекста общественных связей индивида ведет его к определению «общей воли» не как чего-то застывшего и определенного, но как «множества текучих, вклинивающих друг в друга классов и взаимно обуславливающих друг друга социальных функций». «Общая воля» подразумевает непрекращающийся созидательный процесс, она — вечно осуществимая и никогда не осуществленная идеальная цель и задание. В этом процессе важен каждый индивид, приносящий свое собственное содержание в воплощение идеала. Гессен, критикуя общую волю у Руссо, не акцентирует внимание на том, как она должна осуществляться в практическом политическом ключе, он лишь ограничивается требованием к процессу поиска «общей воли», которое заключается в том, что эта задача должна практически реализовываться «путем непрерывного сглаживания интересов, путем отказа отдельных общественных групп от одностороннего господства их интересов, исключаящих все другие» (Гессен, 2010, с. 90). Не отрицая вклад Руссо в осмысление проблемы личной свободы, Гессен считал, что тот был склонен излишне доверяться государственной власти, ошибочно полагая, что только с ее помощью возможен баланс между общей и личной волей. Сам же Гессен был убежден, что демократия осуществима только в формах правового государства, то есть когда некоторая область личной свободы признается закрытой для государственного вмешательства. Политический аспект классического либерализма, который часто упрекали в вырождении принципов демократии в отвлеченные формы парламентаризма и элитизма, Гессен предполагает преодолеть за счет «ра-

дикализации» демократии. В дело законодательства и управления должен быть вовлечен «максимум актуальной, реальной воли населения» — только так возможно создание «общей воли народа». Определяя дистанцию между «общей волей» и государством, Гессен ставит задачу перед последним создания ситуации, при которой возможен активный диалог между личностью и обществом, личная свобода и народная воля должны встречать как можно меньше препятствий. Понятия права и государства не должны отождествляться, государство — одна из форм проявления народности, правотворчество же должно стать делом всего народа.

Понятие права формулируется Гессеном в оппозиции понятиям природы и нравственности. Нормы права представляют собой «гетерономное должествование», они, ожидая подчинения себе, «притязают действовать» так, как если бы они были законами природы. Будучи по своему существу нормами установленными, нормы права всегда запаздывают по отношению к постоянно меняющейся реальности. При этом сохраняется их «кристалличность строения», что обуславливает их чужеродность воле человека, от которого требуется безусловное подчинение, даже если этот человек или группа людей являются законодателями.

Двойственная природа права выражается в том, что, с одной стороны, оно устанавливается для того чтобы обеспечить интересы власти в вопросе управления бытием общества, но с другой — право обращено к высшим духовным ценностям и потому «служит связующим звеном между социальным и духовно-культурным планами человеческого бытия» (Валицкий, 2012, с. 548).

Призвание права, по Гессену, заключается в «спиритуализации» социального бытия людей, постепенном приближении его к духовно-культурной общности. В вечно текущем бытии непосредственной социальности для человека всегда таится опасность утратить сознание значимости самоактуализации своей личности. Полная осознанность действий, мотивов и их конечных целей наступает для человека, только когда он получает возможность выйти из обусловленности социальностью, подобно тому, как он когда-то вышел из природной обусловленности. Именно благодаря праву рождается такая возможность, то есть возможность того, чтобы человек стал необходимой предпосылкой общества в не меньшей степени, в какой он сам является его производной (Там же, с. 546—547). В этой связи М.Ю. Загирняк приходит к выводу, что хотя «С.И. Гессен пытается обосновать свободу человека, но его философия [...] не ориентирована на утверждение автономности человека как базового принципа личной свободы», значимость человека в пространстве культуры обосновывается Гессеном путем введения «внешнего Гаранта» (Загирняк, 2017, с. 261—262). На это, конечно, можно осторожно возразить, продолжив тем самым мысль Валицкого, что, по Гессену, право есть необходимая, но не достаточная предпосылка гармонизации отношений в обществе, оно требует выказывания уважения к чужеродности и, подчиняя себе власть, ставит ее на службу нравственным ценностям (Валицкий, 2012, с. 547), но не более того. Гессен, таким образом, не был склонен испытывать иллюзии в отношении всемогущества такой внешней силы, как право в деле обеспечения свободы.

Но учитывая специфику того времени, в которое довелось жить и работать Гессену, нет ничего удивительного в том, что фундамент для свободы

личности, обусловленный принципом автономии, мог представляться ему слишком зыбким. Такому пониманию способствует и критика Гессеном педагогики анархизма в лице Л.Н. Толстого. Согласно Гессену, «ошибка Толстого, как и всякого анархизма вообще, в слишком узком понимании принуждения: принуждение гораздо шире, чем кажется на первый взгляд» (Гессен, 1995, с. 59). Упразднение дисциплины, полагает Гессен, лишь поставит ребенка в зависимость от принуждения иного рода — принуждения, следует заметить, сходного по своим качествам с указанной выше «центробежной» силой культуры. Человек все-таки зависим от обстоятельств, и для торжества свободы необходимо, чтобы эти обстоятельства были выстроены так, чтобы человек сам в процессе взросления духовно перерастал такие формы организованного принуждения, какой является, к примеру, школьная дисциплина. Таким образом, мы подошли к проблеме идеала государственного устройства, как его видел Гессен.

Государство и демократия

В своей работе «Современная демократия», чтобы описать проблему современного правового государства, Гессен прибегает к помощи методологии М. Вебера. Подобно тому, как немецкий социолог выделял «исторический тип» современного капитализма, Гессен выделяет «исторический тип» современного демократического государства, которое представляет собой третий этап становления современного правового государства. Два предыдущих этапа: абсолютистское государство XVIII в. предшествует и подготавливает либеральное государство XIX в., а последнее в свою очередь закладывает основу демократического государства XX в. Каждый этап подразумевает особое соотношение права, государственной власти и общества.

Абсолютистское государство становится «колыбелью» либерального государства в том смысле, что именно оно фактически осуществляет принцип равенства перед законом, который опять же только при абсолютизме приобретает устойчивый монолитный характер: «Равенство, которое абсолютизм стремится реализовать, — это прежде всего единство закона и его твердость, из которой, однако, с необходимостью вытекает формальное равенство перед законом, нивелирующее разницу происхождения» (Гессен, 2011a, с. 95). Не только принцип равенства перед законом устанавливается абсолютистским государством, но и закладываются начатки более позднего «разделения властей». Наконец, «подготовив почву дальнейшего развития правового государства, абсолютизм должен был или преобразоваться в либеральное государство, или разложиться» (Там же, с. 96). В либеральном государстве «с объективности правовой нормы акцент смещается на субъективное право индивида...» (Гессен, 2011b, с. 99). Человек более не представляется только гражданином или подданным, идея свободы, которая по мысли теоретика абсолютизма Монтескьё, была лишь «правопорядком, подчинением власти, изданным ей законам» (Гессен, 2011a, с. 96), теперь понимается как сфера жизни независимая от вмешательства государства, «как неотъемлемые права человека, которые укоренены в его природе как разумной сущности, более ранней, нежели природа общественной власти» (Гессен, 2011b, с. 100–101).

Однако свободы и права человека и гражданина, которые приняты в либеральном государстве, носят негативный характер. Государство не

вмешивается в жизнь граждан, давая тем самым им самим заботиться о своем благе, которое по факту отдано на откуп экономической машине, действующей, как полагалось в классической политэкономии, в соответствии с законами, похожими на те законы, которые устанавливаются естественными науками. На практике же оказывается, что целые социальные слои не имеют реальных возможностей воспользоваться формально гарантированной свободой. Впрочем, правило, введенное Гессеном для абсолютистского государства, срабатывает и на пике развития либеральной государственности. Как в свое время Ш. Монтескье ради наилучшей реализации «идеального типа» абсолютистского государства вынужден был выходить за пределы его конкретно-исторической данности, так и Дж. Ст. Милль с требованием расширения избирательных прав и предоставления каждому гражданину необходимого минимума образования «уже выходит за границы либерализма, достойнейшим представителем которого был сам» (Гессен, 2011b, с. 105).

Наконец, в XX в. принципы и практика позитивной свободы, а именно «права на образование, труд, социальное обеспечение» (Гессен, 2012, с. 78) постепенно начинают распространяться в западных странах. Эта практика наряду с теоретическими попытками обоснования связанных с ней принципов как не противоречащих либеральным ценностям, но лишь придающим им расширенное толкование, по убеждению Гессена, дает возможность говорить о начале третьего, демократического этапа развития правового государства.

Новый демократический либерализм отказывается от сугубо формалистского понимания свободы и равенства и теперь «под “свободой” он понимает творческую силу в человеке, являющуюся потенцией, которая может расти или исчезать, а значит, выступает, скорее, динамическим процессом, нежели субстанцией», а «под “равенством” же он имеет в виду равенство жизненного старта, или равенство шансов, придавая тем самым и принципу равенства конкретное и динамическое значение» (Там же, с. 79). Эти традиционно либеральные принципы в демократическом государстве дополняются, с одной стороны, принципом солидарности, заимствованным у социалистов и предполагающим вместо конкуренции сотрудничество, а с другой стороны — для своей реализации нуждаются в «расширении функций публичной власти — как местной, так и центральной» (Там же, с. 82) и вмешательстве государства в экономическую жизнь. Для того чтобы государство смогло выполнять обозначенные общественные функции и стать демократическим, должно быть пересмотрено его отношение к праву. Обретя независимость от государства, иначе говоря, свой суверенитет, право социализируется: «Право, понимавшееся со времени абсолютизма и даже Ренессанса как волеизъявление государственной власти, расторгает эту суживающую его связь с государством и понимается шире, как продукт самого общества во всем многообразии выражающих бытие его социальных организаций» (Гессен, 2010b, с. 249). Практика социального права требует от каждой личности особого уровня вовлеченности и участия, которое тем эффективней, чем развитей личность:

Вся проблема социального права в современном его понимании заключается именно в том, чтобы сохранить вечную правду либерализма, начало человеческой свободы и автономии, раскрытое в «фаустовской культуре». Это и достигается признанием многофункциональности личности, не исчерпывающей принадлежностью ее к тому или иному общественному союзу (Там же, с. 250).

В ряде работ разного времени — «Политическая свобода и социализм» (1917), «Правовое государство и социализм» (это сочинение выходило в виде отдельных статей на протяжении 1924—1929 гг.) — представлена более ранняя попытка Гессена очертить существенные черты нового типа правового государства. Актуальность этой задачи для современников Гессена демонстрирует высказывание Б. А. Кистяковского, который в 1908 г. имел все основания утверждать, «что правовая природа социалистического государства до самого последнего времени почти совершенно игнорировалась» (Кистяковский, 2010, с. 536). Это суждение русского правоведа и социолога тем полезней для настоящего исследования, чем ближе оказываются исследовательские позиции с виду столь различных ученых. Дело не только в том, что правовой аспект личности и для Гессена, и для Кистяковского важны: оба исследователя обнаруживают сходство в обращении к проблематике «правового социализма» как единственного типа общества, в котором возможно решение проблем современности. Некоторое различие методологических подходов этих русских неокантианцев к проблеме правового содержания личности, отношения личности и общества и роли права в этом отношении позволяет взглянуть на одно и то же явление как бы из различных перспектив.

Так, в своей докторской диссертации «Общество и индивид» Кистяковский, обсуждая специфику органистического подхода к описанию государства, приходит к интересному методологическому выводу, в соответствии с которым свойственное упомянутому направлению сравнение человека и государства вплоть до их полного отождествления оказывается возможным, только «если государство и человек рассматриваются не в их реальной многосложности, а как субъекты прав и обязанностей, имеющие в определенной мере сходные цели и задачи, иначе говоря, как личности» (Кистяковский, 2002, с. 24). В дальнейшем Кистяковский развивает понимание государства в следующем направлении: государство как личность, как субъект прав и обязанностей, «с юридической точки зрения [...] не исчерпывается его внешними формами и признаками или его господством над индивидами и институтами» (Там же, с. 53), так как оно «обладает инстинктом самосохранения, [...] ставит перед собой определенные цели и выполняет определенные задачи — правовые, культурные, экономические, социальные и проч. В этом смысле государство образует самостоятельное единство, состоящее не из суммы отдельных граждан, а возвышающееся над собственными гражданами. Государство как носитель прав и власти, целей и задач является юридической личностью. Являясь таковой, оно должно быть противопоставлено всем своим гражданам, так как иначе оно не сможет стать независимым субъектом. Государство как личность не является суммой составляющих его личностей, они просто отсутствуют в этом понятии» (Там же, с. 53—54).

При этом народ есть лишь предпосылка таким образом понятого государства, его субстрат: государство персонифицирует народ. Однако существенным признаком государства как личности выступает ее идеальный характер — личность государства может лишь мыслиться, она не существует в реальности так, как существуют отдельные личности (Там же, с. 112).

Впоследствии в своих работах Кистяковский будет отстаивать тезис о «безличном» характере государственной власти, но в этом тезисе нет опровержения Кистяковским своих прошлых убеждений, так как пониматься

этот тезис должен в духе уже упомянутой несводимости «абстрактной» личности государства к «реальной» личности человека. Нетрудно заметить в приведенных рассуждениях Кистяковского сходную по постановке с гессеновской исследовательскую задачу различения целого и единичного на примере различения государства-общества и личности-индивидуума. Дальнейшие исследования Кистяковского в этом направлении приводят его к постановке цели обоснования возможности гармонии между общественным целым и личностью.

Обнаруживая формально-логическую несовместимость утверждения о первичности личности по отношению к обществу и обратного ему утверждения об обществе как самоцели, Кистяковский отмечает необходимость «признать истинными оба эти утверждения. Самоцелью является одинаково и личность, и общество». Однако эклектический вариант поиска среднего решения невозможен, «истинно научное и синтетическое решение требует конечного слияния личности и общества в одно гармоничное целое, при котором каждое из них, являясь самоцелью, взаимно друг друга дополняли бы, а не подавляли или упраздняли» (Кистяковский, 2010, с. 485). Поставив эту задачу со свойственной ему методологической ясностью, Кистяковский оставляет ее по существу нерешенной, хотя направление его мысли, в соответствии с которым реальное установление гармонии самоценных личности и общества возможно только в «правовом социалистическом государстве», практически идентично убеждению Гессена. Поэтому исследования последнего можно рассматривать в качестве варианта возможного решения поставленной Кистяковским проблемы.

Заключение

Как можно было убедиться, в философии права Гессена личность получает фундаментальное значение. Это означает, что в отношении «личность — государство» приоритет должен быть отдан личности. Выстраивая свой идеал свободной творческой личности, Гессен убежден, что личность как цель осуществляется только за счет работы над сверхличными целями — так идет процесс непрерывного самовозрастания своей личности, и так человек трансцендирует свои собственные рамки. Необходимым условием для развития личности является свобода, которая есть некоторое качественное отношение человека к миру, выраженное в действии, и отличается от произвола в том, что обретается в ходе творческого акта самоактуализации. Тем самым между свободой и личностью Гессеном устанавливается прямое соответствие — личность может быть только свободной или вообще не быть. Самобытность такого понимания свободы личности заключается в том, что оно носит характер отправного пункта для выведения всего многообразия возможных видов свободы — политической, юридической, экономической и т. д.

Чтобы актуализация личности стала возможна во всей полноте, Гессен доказывает необходимость, с одной стороны, понимания феномена «общей воли» как обязательного фактора установления правильного соотношения между различными формами народности и личностью. Причем «общая воля», согласно Гессену, должна представлять собой реальный общественный творческий процесс по утверждению принципов совместного обще-

жития. Отстаивая автономию личности по отношению к государственной власти, Гессен следует традиции разведения понятий государства и «общей воли» и выступает против формализации последнего.

Гессен дает свою интерпретацию и процессу формирования правового государства. Современное правовое государство прошло три этапа на своем пути развития, где первым является абсолютистское государство, во главе которого — власть унифицированного закона. На следующем этапе — в государстве либеральном — происходит выделение сферы личной негативной свободы, закрытой для вмешательства государственной власти. Наконец, на третьем этапе, демократическом, право становится «социальным», оно обретает суверенитет по отношению к государственной власти, а правотворчество становится делом всего народа. Демократическое государство расширяет сферу личных свобод и прав за счет обеспечения позитивных прав, внедрения принципа солидарности и расширения функций публичной власти, и тем самым более других форм государственности приближается к идеалу.

Итак, сравнительный анализ позиций Кистяковского и Гессена по вопросу отношения личности и общества позволил выявить общность философско-правовой тематики личности, которая подразумевает ответ на следующие взаимосвязанные исследовательские вопросы: как возможно решение старой проблемы установления гармоничных отношений личности и общества? Какие условия общественной организации наилучшим образом способствуют действительному выходу из этой проблемы? В каком смысле можно логически непротиворечиво говорить не только о личности конкретных индивидов, но и «личности» некоей общности людей? Ответ на эти вопросы эксплицируется, не в последнюю очередь, в понятии правового государства, сочетающего в себе принципы либерализма и социализма, как идеальной формы государственного устройства, что единодушно признавали русские неокантианцы С. И. Гессен и Б. А. Кистяковский.

Список литературы

1. *Валицкий А.* Философия права русского либерализма. М., 2012.
2. *Гессен С.И.* Мое жизнеописание // Гессен С.И. Избранное. М., 2010а. С. 772—827.
3. *Гессен С.И.* Правовое государство и социализм // Гессен С.И. Избранное. М., 2010б. С. 43—395.
4. *Гессен С.И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.
5. *Гессен С.И.* Современная демократия (пер. с польск. Н.В. Данилкиной) // Кантовский сборник. 2011а. №3(37). С. 93—97.
6. *Гессен С.И.* Современная демократия (пер. с польск. Н.В. Данилкиной) // Кантовский сборник. 2011б. №4(38). С. 99—106.
7. *Гессен С.И.* Современная демократия (пер. с польск. Н.В. Данилкиной) // Кантовский сборник. 2012. №1(39). С. 75—84.
8. *Жилева Е.И.* Проблема человека в социальной философии С.И. Гессена : дис. ... канд. филос. наук. М., 2012.
9. *Загирняк М.Ю.* Философско-правовые идеи С.И. Гессена: историко-философский контекст : дис. ... канд. филос. наук. М., 2012.
10. *Загирняк М.Ю.* Значение права для свободы личности в философии С.И. Гессена // Научно-технический прогресс и современное общество : сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. М., 2017. С. 250—264.
11. *Кистяковский Б.А.* Избранное : в 2-х ч. М., 2010. Ч. 1.

12. Кистьяковский Б. А. Общество и индивид. М., 2002.
13. Очиркоконова Н. В. Проблема человека в философии С. И. Гессена : дис. ... канд. филос. наук. М., 2005.
14. Рубинштейн М. М. Социально-правовые представления и самоуправление у детей. М., 1925.
15. Hessen S. Individuelle Kausalitat. Studien zum transcendentalen Empirismus. Berlin, 1909. Kantstudien. Ergänzungsheft, Nr. 15.

Об авторе

Максим Викторович **Воробьев** — независимый исследователь, maxim22176@yandex.ru

THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL CONTENT OF SERGEY HESSEN'S CONCEPT OF PERSONALITY

M. Vorobiev

This article aims to consider the concept of personality proposed by the prominent exponent of Russian neo-Kantianism Sergey Hessen and its philosophical and legal content. The frame of reference used to achieve this aim is determined by the personality-culture-the general will-the state coordinates. The author compares Hessen's ideas with Bogdan Kistyakovsky's legal concept.

Hessen distinguished between several layers of meaning in the notion of culture – civilized-ness, level of education, and civic virtue. He stressed that the personality and culture existed in a dialectical relationship.

Hessen emphasised the primacy of personal freedom and the need to distinguish between freedom and power of choice. Acts of choice are random and unpredictable – they do not have a solid foundation, whereas acts of freedom are a prerequisite for creativity – an integral characteristic of personality. The creative essence of personality suggests individuality and uniqueness of each person. Personality has a historical dimension.

In analysing the problem of the relationship between a person and society, Hessen considered Rousseau's concept of general will. Hessen proposed a dynamic understanding of general will as a continuous process of establishing and re-establishing that involves the general population.

Hessen counterposed law against the notions of nature and morality and interpreted law as an insufficient but necessary prerequisite for harmonizing relations in a society. Hessen developed an original understanding of the ideal of state organisation – a democratic state that incorporates the principles of liberalism and socialism.

Key words: *Sergey Hessen, Bogdan Kistiakovsy, person, freedom, law, general will, culture, state, democracy.*

References

1. Gessen, S.I., 2010a, Moe zhizneopisanie [My biography], in: Gessen S.I. *Izbrannoe* [Selected works], Moscow, p. 772–827.
2. Gessen, S.I., 2010b, Pravovoe gosudarstvo i socialism [Legal state and socialism], in: Gessen S.I. *Izbrannoe* [Selected works], Moscow, p. 43–395.
3. Gessen, S.I., 1995, *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu*. [The foundations of pedagogy. Introduction to applied philosophy], Moscow.
4. Gessen, S.I., 2011a, Sovremennaya demokratiya [Modern democracy], *Kantovskij sbornik* [Kantian collection], no. 3(37), p. 93–97.
5. Gessen, S.I., 2011b, Sovremennaya demokratiya [Modern democracy], *Kantovskij sbornik* [Kantian collection], no. 4(38), p. 99–106.
6. Gessen, S.I., 2012, Sovremennaya demokratiya [Modern democracy], *Kantovskij sbornik* [Kantian collection], no. 1(39), p. 75–84.

7. Hessen, S., 1909, *Individuelle Kausalität. Studien zum transcendentalen Empirismus*. Berlin. (Kantstudien. Ergänzungsheft, Nr. 15).
8. Kistiakovsky, B.A. 2010a, *Izbrannoe: v dveh chastiah, Chast 1*. [Selected works in 2 parts, part 1], Moscow.
9. Kistiakovsky, B. A., 2002, *Obshchestvo i individ*. [Society and individual], Moscow.
10. Ochirokonova, N.V., 2005, *Problema cheloveka v filosofii S. I. Gessena* [The problem of human in S.I. Hessen's philosophy]. Thesis, Moscow.
11. Rubinshtejn, M.M., 1925, *Social'no-pravovye predstavleniya i samoupravlenie u detej*. [Children's social and legal perceptions], Moscow.
12. Walicki, A., 2012, *Filosofia prava russkogo liberalism* [Legal philosophy of Russian liberalism], Moscow.
13. Zagirnyak, M. Y., 2012, *Filosofsko-pravovye idei S.I. Gessena: istoriko-filosofskij kontekst* [Philosophical and legal ideas of S.I. Hessen]. Thesis, Moscow.
14. Zagirnyak, M. Y., 2017, *Znachenie prava dlya svobody lichnosti v filosofii S.I. Gessena* [The significance of the law for the individual freedom in the philosophy of Sergius Hessen], in: *Nauchno-tekhnicheskij progress i sovremennoe obshchestvo: sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh* [Scientific and technical progress and modern society: collection of scientific works based on materials of the 1st International scientific and practical conference of young scientists], Moscow, 15 January 2017. p. 250–264.
15. Zhilyaeva, E. I., 2012, *Problema cheloveka v social'noj filosofii S.I. Gessena* [The problem of human in social philosophy of S.I. Hessen]. Thesis, Moscow.

About the author

Maxim Vorobiev, Unaffiliated Researcher, maxim22176@yandex.ru